

DOI: 10.31857/S013038640011369-3

© 2020 г. **К. В. МИНКОВА**

ЖИЗНЬ В ПОСЛЕВОЕННОМ СССР ГЛАЗАМИ ДВУХ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ

Минкова Кристина Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: k.minkova@spbu.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия жизни в послевоенном СССР двумя американскими дипломатами — Дж. Ф. Кеннаном и Дж. П. Дэвисом. Источниками послужили дневники Кеннана, опубликованные в США в 2014 г.¹, и переписка Дэвиса с родственниками. Указанные документы вводятся в отечественный научный оборот впервые: в мемуары Кеннана вошло лишь несколько отрывков из его дневников², а письма Дэвиса никогда нигде не публиковались. И дневник Кеннана, и письма Дэвиса представляют собой важнейший исторический источник, поскольку содержат впечатления американских дипломатов о советском быте, быте сотрудников американского посольства в Москве, советских праздниках, И. В. Сталине и советской партийной элите, размышления о характере и судьбе русского народа, перспективах развития советско-американских отношений, описание курьезных случаев. Следует особо отметить, что Дэвис и Кеннан в конечном итоге пришли к одинаковым выводам как об особенностях реалий послевоенного СССР, так и о перспективах его дальнейшего развития. Заметим также, что Дэвис и Кеннан — единственные американские дипломаты, оставившие для потомков описание неофициальной, непарадной жизни в послевоенном Советском Союзе.

В отечественной историографии, особенно в работах периода холодной войны и новейших исследованиях³, Кеннан зачастую выступает жестоким, беспощадным, бескомпромиссным анти-советчиком. Совершенно иной позиции придерживаются в своих трудах И. И. Орлик⁴, основывающийся на личном знакомстве с Дж. Кеннаном, В. Л. Мальков⁵ и Н. Н. Болховитинов⁶. Эти ученые, признавая открыто негативное отношение Кеннана к Советскому Союзу в 1940 — 1950-е гг., видели в нем не только автора доктрины «сдерживания», но и блестяще образованного человека, ученого, подлинного специалиста по России. Дневниковые записи Кеннана подкрепляют мнение указанных ученых об этом американском дипломате.

¹ The Kennan Diaries. Ed. by F. Costigliola. New York, 2014.

² *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002.

³ См., например: *Дмитрова Е. В.* О некоторых дипломатических усилиях Дж. Кеннана, Ф. Робертса и Н. В. Новикова в обстановке взвинчивания «холодной войны» // Вестник Томского государственного университета. Серия История и археология, 2003, № 276, с. 108—114. *Доброхотов Л. Н.* Джордж Кеннан: печальный пророк трагической эпохи. М., 2014.

⁴ *Орлик И. И.* Дж. Ф. Кеннан: «большие дебаты» // Новая и новейшая история, 2011, № 1, с. 150—166; *его же:* Предначертения «постсоциализма» // Новая и новейшая история, 2019, № 6, с. 102—121.

⁵ *Мальков В. Л.* Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии дипломата // Вестник Института Кеннана в России, 2004, вып. 5, с. 24—39. *его же.* У порога «долгого мира». Джордж Фрост Кеннан рассказывает о России, русских и причинах советско-американского конфликта в Совете по внешней политике США // Новая и новейшая история, 2012, № 5, с. 208—223.

⁶ *Болховитинов Н. Н.* Полвека спустя. Послесловие к статье: *Кеннан Д. Ф.* Америка и русское будущее // Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 94—98; *его же.* Джорджу Ф. Кеннану исполнилось 100 лет // Вестник Института Кеннана в России, 2004, вып. 5, с. 8—11.

Ключевые слова: Джордж Кеннан, Джон Дэвис, Москва, послевоенный СССР, воспоминания, дневники, образ страны.

К. V. Minkova

Post-War Soviet Union as Two American Diplomats Saw It

*Kristina Minkova, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia).
E-mail: k.minkova@spbu.ru*

Abstract. The article discusses the perception of life in the post-war USSR by two American diplomats – George F. Kennan and John P. Davies. It is based on Kennan's diary published in the USA in 2014 and Davies's correspondence with relatives. Heretofore, these documents have been unknown to the Russian audience: only excerpts from Kennan's diary were included in his memoirs, and Davies's letters have never been published. Both Kennan's diary and Davies's letters represent invaluable historical documents as they contain their descriptions of life and habits of Soviet people, various ridiculous episodes and street sketches, impressions by Joseph Stalin and the Communist party and its leaders, reflections on the fate of the Russian people, prospects of Soviet–American relations. It is noteworthy, that Davies and Kennan ultimately came to the same conclusions about both the realities of the post-war USSR and the prospects for its further development. It should be also observed that the description of casual, unofficial life in the post-war Soviet Union can be found only in these two American diplomats' writings.

In Russian historiography, especially in the works of the Cold War period and latest research, Kennan is often presented as cruel, merciless, uncompromising, and anti-Soviet. In his works, Igor Orlik maintains a completely different position, based on a personal acquaintance with G. Kennan. His position is also shared by Viktor Malkov and Nikolay Bolkhovitinov. These scholars, recognizing Kennan's openly negative attitude towards the Soviet Union in the 1940s – 1950s, perceive him not only as the author of the containment doctrine, but also as a brilliantly educated person, scholar, and genuine specialist in Russian affairs. Kennan's diary notes support their opinion.

Keywords: George Kennan, John Davies, Moscow, post-war USSR.

Какой была и какой виделась американским дипломатам жизнь в послевоенном Советском Союзе? Каким был их быт в голодной Москве? Что было для них привлекательным, а что раздражало? Какие эмоции вызывало у них общение с народом и с партийными функционерами? Об этих и других вопросах пойдет речь в настоящей статье.

НЕМНОГО О ДЭВИСЕ И КЕННАНЕ

Джон Дэвис родился в Китае в 1908 г. в семье американских миссионеров-баптистов. С родителями его связывали самые теплые отношения. Образование Дэвис получал в США и Китае, в 1931 г. закончил Колумбийский университет и сразу поступил на дипломатическую службу. В 1933 г. он был направлен в Китай. В августе 1942 г. Дэвис по любви женился на Патрисии Грейди, дочери американского дипломата Генри Ф. Грейди (1882–1957)⁷. Патрисия принимала значительное участие в работе Дэвиса и обладала хорошим образованием, наблюдательностью и широким кругозором.

С начала Второй мировой войны и до конца 1944 г. Дэвис служил на Китайско-бирманско-индийском театре военных действий под началом генералов Стилвелла, Ведмейера и Херли. Он был участником Миссии Дикси – группы американских офицеров

---

⁷ В 1941 г. Грейди был избран президентом судовладельческой компании «Америкэн президент лайнс», а в октябре 1945 г. назначен личным представителем президента Трумэна в Союзной комиссии по наблюдению за выборами в Греции. В дальнейшем Грейди занимался решением Палестинской проблемы («план Моррисона-Грейди»), был первым послом США в Индии (1947–1948 гг.), затем послом в Непале (1948 г.), Греции (1948–1950 гг.) и Иране (1950–1951 гг.).

и дипломатов (United States Army Observation Group), получивших задание установить официальные дипломатические и военные связи США с китайскими коммунистами. Дэвис рассматривал задачу группы в минимизации влияния СССР на китайское коммунистическое движение, однако при этом считал, что правительство Чан Кайши бесперспективно и будущее Китая – за коммунистами. В результате его конфликта с генералом Херли, личным представителем президента Ф. Д. Рузвельта при Чан Кайши, последний добился перевода Дэвиса в Москву в качестве второго (а затем первого) секретаря посольства США. В Москве Джон Дэвис и Патрисия прожили с июня 1945 по апрель 1947 г. Их жизнь в СССР подробно описывалась ими в письмах родителям. После возвращения из Москвы Джон Дэвис работал в аппарате Госдепартамента США, однако в 1954 г. был уволен главой ЦРУ Алленом Даллесом по обвинению в симпатиях к коммунистам. После увольнения Дэвис занялся бизнесом. В 1969 г. все обвинения с него были сняты. Умер Дэвис в 1999 г. в возрасте 91 года.

Возвращаясь непосредственно к московской деятельности Дэвиса, отметим, что из его личного письма от 26 января 1945 г. следует, что он был весьма заинтересован в получении назначения в Москву⁸. Для посольства США в СССР он также был достаточно ценным приобретением, поскольку, еще находясь в Китае, готовил отчеты об интересах советского правительства на Дальнем Востоке⁹. 13 мая 1945 г. генерал Ведемейер, под началом которого Дэвис служил в Китае, писал послу США в Москве Авереллу Гарриману: «Дорогой Аверелл! Недавно один из моих лучших политических советников, Джон Дэвис, получил назначение в Москву. Здесь он вызывал всеобщее восхищение и уважение и показал себя очень способным аналитиком и неутомимым работником. Наша потеря – это, безусловно, Ваша находка, а его осведомленность в отношении ситуации в Китае будет Вам особенно полезна сейчас, когда всеобщее внимание приковано к этой части света»¹⁰.

Джордж Фрост Кеннан родился в 1904 г. в семье специалиста по налоговому праву. Двух месяцев от роду он остался без матери, что навсегда определило его характер – замкнутый и стеснительный. После окончания Военной академии Сент-Джон в Висконсине Кеннан поступил в Принстонский университет. Получив в 1925 г. степень бакалавра истории, он решил, что его финансовое состояние не позволяет ему учиться дальше, и устроился в недавно образованную Заграничную службу США. На различных дипломатических постах Кеннан сменил несколько стран – Швейцарию, Германию, Австрию, Латвию, Советский Союз, Португалию и др. Помимо английского и русского языка, который он начал изучать в 1929 г. в Берлине, Кеннан свободно владел немецким, французским, польским, чешским, португальским и норвежским языками. Россия/Советский Союз интересовала Кеннана с детства; ни с отцом, ни с мачехой у него не сложилось близких отношений – тем ярче и привлекательнее был образ его старшего родственника и полного тезки Джорджа Кеннана-ст., совершившего в конце XIX в. знаменитые путешествия по Сибири и заложившего своими описаниями жизни в России основы в целом негативного отношения к нашей стране в американском обществе¹¹.

В 1931 г. Кеннан, в основном по практическим соображениям, женился на норвежке Аннелизе Соренсен, в браке с которой прожил 73 года. У пары родилось четверо детей. Сам Кеннан, не склонный обычно к вынесению личных проблем на люди, в дневнике часто писал о том, что его жена «не умна», «с ней не о чем говорить», «она скучна» и т.п. Она не интересовалась политикой и занималась исключительно семьей. Любопытно, однако, что именно Аннелизе Кеннан обязан своим традиционно аккуратным внешним видом: он страдал ахроматопсией – болезнью, при которой не различают цвета, –

⁸ Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

⁹ China and the Kremlin. January 4, 1945 // Ibidem.

¹⁰ Wedemeyer to Harriman. May 13, 1945 // Ibidem.

¹¹ *Кеннан-ст. Дж.* Сибирь и ссылка, в 2-х ч. СПб., 1906.

и в отсутствие Аннелизе мог прийти на работу в разных носках или галстуке, не пододвигшем к рубашке и костюму¹².

В период своего первого пребывания в Советском Союзе в 1934–1937 гг. Кеннан помогал открывать американское посольство в Москве и был свидетелем индустриального подъема в СССР. После вторжения немецких войск в Советский Союз Кеннан выступил за распространение программы американской помощи союзникам (ленд-лиза) на СССР – но в чисто деловой форме, без лишних изъявлений дружбы и оказания советскому руководству моральной поддержки¹³. При этом, в отличие от распространенного мнения, сам он в указанный период придерживался нейтральных позиций и не мог причислить себя ни к антисоветски, ни к просоветски настроенным американским кругам¹⁴.

В июле 1944 г. Кеннан вновь вернулся в Москву по запросу Гарримана, заняв пост министра-советника Посольства США в СССР – т.е. заместителя главы московской миссии США. Его предшественника Максвелла Гамильтона, крупного специалиста по Дальнему Востоку, Гарриман отправил обратно в Вашингтон, сообщив в Госдепартамент, что на другом посту этот дипломат «сможет лучше проявить свои способности и опыт»¹⁵. Кеннан оставался в Москве до апреля 1946 г.

Войдя в историю как автор знаменитой «длинной телеграммы», Кеннан и до февраля 1946 г. достаточно часто посылал в Госдепартамент США различные обзоры и отчеты о советской политике, советских намерениях и т.п. В частности, уже в сентябре 1944 г. он составил 34-страничный отчет «Россия – семь лет спустя»¹⁶, содержание которого мало отличалось от соображений и возложенных в «длинной телеграмме». На тот момент позиция Кеннана была далека от воззрений А. Гарримана и Г. Гопкина, формировавших внешнеполитический курс США в отношении СССР, и его отчет сразу попал под сукно¹⁷. Ситуация в феврале 1946 г. была совершенно иной, и на этот раз телеграмма Кеннана оказалась в мейнстриме. Пика своего влияния в Госдепартаменте Кеннан достиг при госсекретаре Джордже Маршалле – он стал одним из разработчиков Плана Маршалла. В 1951 г. Кеннан был назначен послом США в Советском Союзе, а в сентябре 1952 г. – объявлен персоной нон-грата и выслан из страны из-за сделанного им на пресс-конференции неосторожного заявления. Кеннан тогда сравнил условия своего пребывания в посольской резиденции в Москве с теми, в которых он оказался, будучи интернированным в Германии в первые месяцы Второй мировой войны. В дальнейшем Кеннан оставался на дипломатической службе и преподавал в Принстонском университете. Он умер в 2005 г. в своем доме в Принстоне.

Прежде чем перейти непосредственно к выдержкам из дневника Кеннана и писем Дэвиса, необходимо подчеркнуть разницу происхождения этих источников. Несмотря на то что оба представляют собой личные документы, Кеннан писал дневник только для себя и мог с большой долей вероятности гарантировать его неприкосновенность. Последнее соображение особенно важно, поскольку после знакомства с его дневником у читателя складывается новый образ Джорджа Кеннана. Этот образ, по сути, требует переосмысления пусть не роли Кеннана в усилении советско-американской конфронтации в 1946 г., но личности этого неординарного человека и его отношения к нашей стране и нашему народу.

Письма Дэвиса, хотя и направлялись адресатам дипломатической почтой, потенциально могли попасть в чужие руки. Представляется, что эти соображения, особенно

¹² The Kennan Diaries, p. XXXVIII.

¹³ Paterson T. G. Meeting the Communist Threat: Truman to Reagan. Oxford University Press, 1989, p. 123.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Franklin D. Roosevelt Presidential Library. President's Official. File 4341 "Averell Harriman".

¹⁶ Kennan G. F. Russia – Seven Years Later. September, 1944 // History and Public Policy Program Digital Archive, FO800/302 (Public Record Office, Kew).

¹⁷ Franklin D. Roosevelt Presidential Library. Harry Hopkins Papers. Box 217.

с 1946 г., когда отношения между СССР и США начали стремительно ухудшаться, могли заставить Дэвиса быть довольно сдержанным в описаниях реалий советской жизни и придерживаться в основном общих тем и изложения семейных новостей.

Важными оказались и другие различия. Во-первых, Кеннан приехал в июле 1944 г. в страну, хорошо ему известную, языком которой он владел едва ли не в совершенстве. Дэвис же начал учить русский язык уже в Москве и, хотя обладал некоторыми знаниями в области внешней политики Советского Союза, был мало знаком с особенностями жизни советского общества. Во-вторых, следует подчеркнуть, что Кеннан пользовался значительно большей свободой, чем Дэвис. В частности, по выходным он часто направлялся на электричке в какой-либо из московских пригородов, разыскивая следы дореволюционного быта, делая зарисовки разрушенных церквей и пр. Соответственно его общение с советскими людьми практически ничем и никем не ограничивалось, чего никак нельзя сказать о Дэвисе, редко покидавшем здание посольства США по поводам, не связанным напрямую с его службой.

Отметим также, что сроки пребывания Дэвиса и Кеннана в Москве не совсем совпадают (первый находился на посту с июня 1945 до апреля 1947 г., второй — с июля 1944 до апреля 1946 г.). Исходя из этих соображений, в настоящей статье представлены в основном письма и записки, относящиеся к июню 1945 — апрелю 1946 г., за исключением наиболее ярких описаний, относящихся к более раннему или более позднему периоду.

Выдержки из документальных свидетельств Дэвиса и Кеннана сгруппированы тематически.

О БЫТЕ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ В МОСКВЕ

Ни в дневниках, ни в мемуарах Кеннан практически не описывает свой быт — это касается не только Москвы, но и Вены, Праги и других европейских столиц, в которых он оказывался по службе. Те немногие впечатления о Москве, которые все же содержатся в его записках, относятся к зиме 1933—1934 гг. — тогда на его плечах лежали все организационные вопросы, связанные с открытием посольства: ремонт здания, мебелировка, телефонная и телеграфная связь и т.п.¹⁸ В отличие от него Дэвису и Патрисии все в Москве было в диковинку:

«Мы сейчас — этакий капиталистический мирок в коммунистической вселенной. Однако чудеса нашего мира не пропадают понапрасну среди тех, кто живет более чистыми и менее материальными помыслами. На самом деле, мы представляем собой настоящую витрину американской жизни. Ваш замечательный вклад в нашу жизнь (имеются в виду посылки с предметами домашнего обихода, занавесками, наволочками на диванные подушечки и т.п. - К. М.) стал хорошей пропагандой и — что куда важнее, по меньшей мере, для меня — сделал ее [жизнь] куда приятнее»¹⁹.

ОБ ОТНОШЕНИИ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТОВ К ЖИЗНИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Джон и Патрисия Дэвис, особенно поначалу, в первые месяцы пребывания в Москве, рассматривали свою жизнь в Советском Союзе скорее как приключение. Все было им в новинку, и ради этих новых впечатлений они вполне были готовы пожертвовать бытовыми удобствами или продуктовым изобилием. В уже упомянутом письме от 3 сентября 1945 г. Патрисия писала: «Наша часть семьи прочно осела на месте — по меньшей мере, еще на 6 месяцев. Если они будут такими же интересными, как предыдущие, нам ничего больше и не нужно. Не думаю, что у нас найдутся причины для разочарований»²⁰.

¹⁸ The Kennan Diaries, p. 86–94.

¹⁹ Patricia Davies to her parents. September 3, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

²⁰ Ibidem.

Схожие строки можно найти и в письме Дэвиса от 12 октября 1945 г.: «Жизнь здесь все еще кажется нам весьма увлекательной. Во многом это довольно мрачное место, но настолько интересное с точки зрения психологии, что это все компенсирует»²¹. Неделю спустя Патрисия добавляет: «Нам обоим кажется, что года недостаточно, чтобы узнать Россию. Мы надеемся, что нам удастся остаться еще на полтора»²².

Кеннан о своей московской жизни почти не упоминает, основное место в его дневниках уделяется политическим событиям и философским размышлениям. Однако по возвращении в Москву, где он не был семь лет, Кеннан замечает:

«За пределами маленького оазиса нашей дипломатической колонии простирается все еще захватывающая и притягательная земля — Россия, интересная мне больше, чем что-либо другое в мире»²³.

Весьма любопытны и записи в его дневнике, сделанные в Ленинграде, где он оказался в сентябре 1945 г. с группой американских конгрессменов проездом из Москвы в Хельсинки:

«В своей жизни я провел в Ленинграде всего три дня, и все равно чувствовал себя так, как будто вернулся домой. <...> Я знаю, что в этом городе, где я никогда не жил, по странной прихоти судьбы — или прошлой жизни? — хранится частичка моей способности чувствовать и любить; иными словами, частичка моей жизни. Этого никогда не поймет ни один американец, и ни один русский никогда этому не поверит»²⁴.

О РУССКОМ НАРОДЕ

Хождение Дэвиса «в народ» было недолгим: оказавшись в Москве во второй половине июня 1945 г., уже с октября того же года они с Патрисией жили в здании Посольства и лишились возможности ездить «на работу на метро — плечом к плечу с москвичами. Наблюдать за ними всегда интересно — одеты все убого, лица угрюмые и одутловатые, не слышно веселой болтовни. Несмотря на недоедание и тяжкие невзгоды, от них исходит какая-то примитивная сила. Больше всего поражают русские женщины. “Нас спасли наши женщины”, — сказал нам с Патрисией один русский. По-видимому, они такие же выносливые и крепкие, как мужчины. Крепкие — не в смысле высокие, потому что мужчины и сами невысокие, — а поразительно живучие. Даже высохшие скрюченные старухи!»²⁵.

Отметим, что восхищение Дэвиса — несколько отвлеченное. Он воспринимает русский народ как некую абстракцию или объект для изучения. 12 октября 1945 г. он пишет: «Мне нравятся русские люди. Они крепкие, простые и эмоциональные», но за этими впечатлениями стоит скорее интерес исследователя, чем эмоциональная эмпатия.

С осени 1945 г. общение Дэвисов с москвичами ограничивалось немногими встречами с партийными функционерами на дипломатических мероприятиях. Практически каждую такую встречу Джон комментировал позднее в письмах домой.

Кеннан, как мы уже упоминали, обладал значительно большей свободой передвижений. Блестящее владение русским языком делало его впечатления от общения с народом куда более яркими.

В июне 1945 г. Кеннан совершил двухнедельное путешествие из Москвы в Сибирь и обратно. Он хотел проехать по следам своего известного родственника и тезки, а также посетить один из двух крупнейших советских металлургических заводов в Сталинске (Кузнецке)²⁶. «На каждой станции, — пишет Кеннан, — нас осаждали женщины и дети,

²¹ John Davies to his parents. October 12, 1945 // Ibidem.

²² Patricia Davies to her parents. October 19, 1945 // Ibidem.

²³ Kennan G. F. *Memoirs, 1925–1950*. Boston, 1967, p. 189.

²⁴ The Kennan Diaries, p. 185.

²⁵ John Davies's first letter to his parents. June 27, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

²⁶ Kennan G. F. *Memoirs*, p. 272.

продававшие еду. Босоногие или в лаптях, но всегда в чистых платочках на головах, похожие друг на друга как две капли воды, они предлагали плоды своего хозяйства: молоко — свежее, кипяченое или простоквашу; творог, сметану; яйца — свежие или вкрутую; редиску; ягоды; блины; вареную картошку; лук; чеснок; маринованную морковь; в Сибири — масло... Иногда продавали престранные вещи: американскую солонину по 30 рублей за банку; за банку венских сосисок чикагского производства на одной станции просили 125 руб.»²⁷.

К сожалению, таких описаний в дневнике Кеннана немного. Как правило, его интересовали другие, более философские вещи. Записи, посвященные русскому народу, его характеру, судьбе и т.п. — скорее размышления, а не наблюдения. Вот одна из них, сделанная на обратном пути из Сибири в столицу:

«Было понятно, что здесь, под нами, на бескрайней равнине, вне всякого сомнения живет один из величайших народов мира: талантливый отзывчивый народ, который может перенять и обогатить все формы человеческого опыта; народ, поразительно терпимый к жестокости и халатности, но великолепно осознающий этические ценности; сильный и богатый народ, очень выносливый и живучий; глубоко убежденный в том, что ему предназначено сыграть прогрессивную и благотворную роль в мировых делах, и готовый начать это делать <...>.

Иностранец... видит героизм русского народа и лишения, которые он претерпевает: молодежь работает по 12 часов в сутки без удобств и передышки, люди средних лет не помнят ни мира, ни ощущения безопасности и давно уже не ждут ничего от будущего; вдовы и калеки-ветераны, перенаселенные дома, пустые шкафы, поношенная одежда, жалкие подобию удобства и комфорта — и при этом мечты, надежды, неудержимая вера в будущее? Может показаться, что именно этот талантливый и привлекательный народ — закаленный лишениями до такой степени, что в менее значительных цивилизациях это выглядело бы вульгарным и бессмысленным, — как ни один великий народ в истории готов к построению справедливого рационального общества; именно здесь стало бы возможным эффективное применение практичности и стремления чувствовать себя полезными другим — этих замечательных черт американского характера»²⁸.

Интересно, что в письмах Дэвиса выводы о характере русского народа даются им со ссылкой на Кеннана: «Как сказал Джордж Кеннан, “вы бы тоже стали меланхоликом, если бы прожили всю жизнь в бесконечной смене грязи на снег и обратно, с вечно серым небом над головой и бескрайними степями вокруг”»²⁹.

О ЖИЗНИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ

Жизнь советских людей Дэвис описывает, основываясь на чужих впечатлениях. Он практически ни разу не выезжал из Москвы (исключением стало возвращение в столицу через Ленинград после краткой поездки в Стокгольм). Впечатления эти в целом мрачные, даже в первые месяцы пребывания Дэвиса в Москве, когда любознательность и стремление к познанию нового еще заставляла его воспринимать жизнь в Советском Союзе с куда большим оптимизмом, чем впоследствии.

Так, 22 октября 1945 г. Дэвис пишет домой: «Мы видим, что едят простые русские, и благодарны за то, что имеем. Многие питаются лишь кислым черным хлебом да капустой. Это лето было слишком дождливым и пасмурным, так что овощи не уродились. Под овощами я подразумеваю картошку - без нее очень туго. У большинства русских очень тяжелая жизнь. Мы знаем людей, которые прожили несколько зим без отопления, без горячей воды, а газа хватало лишь на то, чтобы приготовить еду 1–2 раза в сутки.

²⁷ Ibid., p. 175–176.

²⁸ Ibid., p. 183–184.

²⁹ John Davies to his parents. January 5, 1946 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 12. Folder 1946.

Но если вам нечего готовить, кроме черного хлеба, зачем беспокоиться о газе? Конечно, они этому не рады. Они терпят это только благодаря своему мощнейшему инстинкту выживания — как у животных. А кто-то — благодаря вере»³⁰.

Этот тон сохраняется и в последующих его письмах. Так, 5 января 1946 г. он отмечает: «Я только что пришел [с новогоднего базара] — там продают зеленые апельсины, грошовых пупсов, водку, холодные булочки и сталинскую Конституцию. Голодные москвичи бродят среди палаток и покупают по чуть-чуть; репродукторы орут народные песни. Несколько детишек, закутанных так, что только носы торчат, пытаются изобразить что-то вроде танца. Это ужасно мрачное зрелище»³¹.

10 февраля 1946 г. он все еще описывает жизнь в СССР как «поистине необыкновенный опыт», но уже не понимает, «как русские ее выносят. Но, наверное, как и всем, родившимся в неволе, как канарейкам или золотым рыбкам, она кажется им естественной»³².

4 ноября 1946 г. Дэвис замечает: «Нас ждет тяжелая зима. Не нас лично, потому что вся Россия может слохнуть от голода, но Кремль не покажет иностранцам, что дела плохи. Я не знаю, откуда такая нехватка всего, ведь война закончилась больше года назад. Я еще могу понять, что так может быть в разоренных районах страны. Но не в Москве и не в той части страны, которая осталась нетронутой. Практически вся нужда сотворена искусственно — или кем-то допускается»³³.

У Кеннана жизнь советских людей представлена в нескольких коротких, но очень выразительных зарисовках из сибирского путешествия:

«Большинство пассажиров (поезда Москва—Новосибирск. — *К. М.*) были со мной вежливы, но разговаривали мы мало. Только однажды вечером, когда я достал номера нашего русского журнала³⁴, в коридоре вагона завязалась оживленная дискуссия. Организатор нашей поездки тут же воспользовался своим положением и произнес речь о том, как они (русские. — *К. М.*) беспокоятся о будущем, как они доверяли Рузвельту и не знают, что думать о Трумэне — посмотрите только на его друга Херста³⁵. Это был поистине час братания. Затем внезапно все начали виновато поглядывать через плечо и быстро рассосались. После этого русская стеснительность взяла свое, и следующие два дня со мной практически никто не разговаривал»³⁶.

«[В Новосибирске] мы с моим хозяином... сначала направились на новый железнодорожный вокзал — пожалуй, один из самых крупных в Советском Союзе — где заставили небритого и немного ошарашенного начальника станции показать нам все сверху донизу. Я был приятно впечатлен комнатами для женщин с маленькими детьми, где были няньки, доктора, души и игровые комнаты. Впечатление могло быть еще лучше, если бы одна женщина не ухватила начальника за фалды и не начала голосить, что она со своими детьми торчит здесь много дней и никак не может достать билеты, чтобы ехать дальше»³⁷.

«Пассажирка средних лет в отлично сшитом сером дорожном костюме, которая, не обмолвившись с нами и словом, категорично посчитала нас с Бородулиным самыми привилегированными и влиятельными среди пассажиров, внезапно решила — при помощи простого телефонного звонка — раздобыть для нас машину, чтобы мы смогли посмотреть Казань. Это безрассудное хвастовство заставило буфетчицу выскочить из-за маленького столика, за которым она сидела. “И где, скажите на милость, — спросила

³⁰ John Davies to his parents. October 22, 1945 // Ibid. Box 11. Folder 1945.

³¹ John Davies to his parents. January 5, 1946 // Ibid. Box 12. Folder 1946.

³² John Davies to his parents. February 10, 1946 // Ibidem.

³³ John Davies to his parents. November 4, 1946 // Ibidem.

³⁴ Имеется в виду гляцевый журнал о жизни в Соединенных Штатах, распространявшийся по селством США в Москве на русском языке с согласия советского руководства.

³⁵ Имеется в виду Уильям Рэндольф Херст (1863–1951) — американский медиамагнат, основатель холдинга «Hearst Corporation».

³⁶ The Kennan Diaries, p. 176–177.

³⁷ Ibid., p. 178.

она смертельно усталым голосом, — в городе Казани вы собираетесь раздобыть машину?»). Наша компаньонка бросила на нее стальной взор: «В НКВД». Буфетчица мигом исчезла за своими пирожными»³⁸.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНЫЕ ЗАПРОСЫ ГРАЖДАН

Культурную жизнь в Советском Союзе Кеннан и Дэвисы воспринимали совершенно по-разному. Так, в октябре 1945 г. Патрисия писала своим родителям:

«Театральный и музыкальный сезон сейчас в самом разгаре. Мы слишком ленивы, чтобы наслаждаться бесчисленными концертами. Хождение по театрам требует некоторого стратегического планирования, и мы обычно забываем побеспокоиться о билетах до того, как становится слишком поздно. Но все же мы посетили целую кучу разных спектаклей и, за очень редким исключением, получили большое наслаждение. Особенно чудесны музыка и балет. Мы постоянно чем-то заняты, так что проблема заполнения свободного времени перед нами пока не стоит.

На прошлой неделе мы с Кэтлин Гарриман³⁹ и симпатичной дамой-адъютантом генерала Эйзенхауэра посетили балетную школу. Она очень известна. Особенно понравились нам начальные классы (девочки-девятилетки). Мы были на занятии у второго класса. Они замечательно профессиональны! Самые лучшие ученики даже младших классов танцуют в спектаклях больших московских театров. У них очень непростая жизнь — 9 лет учебы да выступления по вечерам, а потом, после выпуска, — еще больше работы и больше спектаклей. После визита в школу даже дилетанту становится понятно, почему русские находятся на вершине балетного искусства»⁴⁰.

В дневниках Кеннана культурная жизнь СССР упоминается редко. Без сомнения, он посещал московские театры, однако в немногих записях, посвященных своим культурным развлечениям, Кеннан, по сути, рассуждает не о них. Например, вот как он описывает цирковое представление, которое ему довелось увидеть в Новосибирске в июне 1945 г.:

«Под конец мы отправились в цирк, где сохранился только номер с приручением льва, в котором лев брал сырое мясо изо рта укротительницы. Внешность последней была настолько внушительной, что мы решили, что из них двоих большая смелость требовалась льву. Впрочем, это действо, сопровождавшееся несколько заунывной игрой оркестра, навяло на нас дремоту, и мы решили закончить наше знакомство с ночной жизнью Новосибирска»⁴¹.

Запись в его дневнике от 23 декабря 1945 г. содержит описание спектакля «Золушка», который давался в Большом театре для делегатов Московской конференции Советов министров иностранных дел. Однако Кеннана волновало не исполнительское искусство советских танцовщиков, которое он оценивает очень высоко, но совершенно иное:

«Спектакль был абсолютно первоклассный, один из лучших, что мне доводилось видеть, но публика приняла его очень равнодушно. Я понял, что Сталин был где-то в театре, хотя и не в царской ложе. Поэтому публика, за исключением дипкорпуса, как видно состояла практически полностью из сотрудников спецслужб, которые, без сомнения, боялись, что всякое чрезмерное проявление энтузиазма с их стороны может создать впечатление, что они отвлекаются от исполнения своих обязанностей»⁴².

³⁸ Ibid., p. 182.

³⁹ Кэтлин Гарриман (1917–2011) — вторая дочь Аверелла Гарримана, в период его пребывания на посту посла США в СССР находилась вместе с ним в Москве в роли «хозяйки» посольства.

⁴⁰ Patricia Davies to her parents. October 19, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

⁴¹ The Kennan Diaries, p. 178.

⁴² Ibid., p. 195.

О СОВЕТСКИХ ПРАЗДНИКАХ И БАНКЕТАХ

В письмах Дэвиса особенно ярко звучит тема военных праздников — в первую очередь, потому что они были наиболее заметными и зрелищными. В частности, в письме от 27 июня 1945 г. он описывает состоявшийся 24 июня Парад Победы, который штат посольства США мог наблюдать непосредственно из своих окон:

«В воскресенье был Парад Победы, который принимали маршалы Жуков и Рокоссовский на белых конях... Он был похож на Первомайский — масса людей, масса лошадей, масса артиллерии, масса “катюш”⁴³, масса мотоциклов, масса танков и масса советских женщин-военных. Из окон посольства мы наблюдали, как весь этот спектакль разворачивался и втекал на Красную площадь в полумиле от нас. Вход на Красную площадь и на площадь перед нашим посольством был по билетам, которые постоянно проверяли. На парад попали только Посол (А. Гарриман. — *К. М.*), его дочь Кэтлин, его первый переводчик и высшие военные и морские чины. Простые москвичи могли наблюдать только колонны, формировавшиеся перед нашими окнами или распадавшиеся после ухода с Красной площади. Как и майский парад, этот был довольно закрытым»⁴⁴.

Через год Дэвис описывает другой парад — в честь Дня танковых войск — уже в совершенно ином ключе:

«Сегодня... — день танковых войск... На рассвете танки выстроились напротив нас, проторчали тут весь день, а в 5 часов вечера покатали через Красную площадь. Мне кажется, их было штук пятьсот. Потом был салют, ракеты, прожектора и музыка изо всех громкоговорителей. Все это начинается немного утомлять: сначала был день Красной Армии, потом День артиллерии, День флота, День ВВС, День Победы над Японией — и все с салютами и пиротехническими шоу. Теперь, я надеюсь, будет небольшая передышка — до 7 ноября, которое странным образом является годовщиной Октябрьской революции. С календарями тут явно что-то не то — так же, как и с китайским Новым Годом»⁴⁵.

Что касается Кеннана, то советские праздники его не интересовали. В день Парада Победы он оказался в Казани, возвращаясь из поездки в Сибирь. Запись в его дневнике за этот день заставляет предположить, что он ничего не знал о Параде:

«В Казани нас опять затолкали в гостиницу при аэропорте. Оказалось, что в Москве парад победы, и московский аэропорт не принимал самолеты»⁴⁶.

Трудно сказать, насколько правдив здесь Кеннан. Возможно, что, покинув Москву 9 июня, он действительно ничего не знал о Параде: в газетах о нем не сообщалось, а увидеть репетиции своими глазами, как оставшиеся в столице сотрудники посольства, он не мог. Гарриман и его первый переводчик, как отмечал выше Дэвис, получили приглашение на Парад, однако оно могло поступить в посольство уже после отъезда Кеннана. Впрочем, можно предположить также, что Парад — как постановочное партийное мероприятие — мало интересовал Кеннана (недаром в его дневнике оба слова написаны с маленькой буквы), и он просто забыл о нем, поглощенный впечатлениями от поездки и теми размышлениями, которые они навеяли.

Банкеты и званые ужины, на которые доводилось попадать американским дипломатам, производили на них разное впечатление. Дэвиса, любимым объектом изучения которого была человеческая природа, больше интересовало поведение приглашенных:

«Это была типичная для национальных праздников дипломатическая толкучка. Унылый дипкорпус — каждое лицо знакомо до боли; обычная команда мидовских чиновников, которым по праздникам разрешают якшаться с иностранцами, и разномастная

⁴³ В тексте «katyushkas».

⁴⁴ John Davies's first letter to his parents. June 27, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

⁴⁵ John Davies to his parents. September 8, 1946 // Ibid. Box 12. Folder 1946.

⁴⁶ The Kennan Diaries, p. 181.

кучка робких интеллектуалов в лоснящихся шерстяных костюмах и вечерних платьях, сшитых из абажуров и шелковых занавесок, “освобожденных” из немецких семей — видимо, с самым дурным вкусом в Центральной Европе. Сначала все неловко толкутся в зале, а потом гурьбой бросаются к накрытым столам. Практичный москвич прочно пристраивается у края, чтобы никто не отгеснил его в погоне за копченым лососем. Затем он начинает набирать на свою тарелку икру, селедку, огурцы, сметану, ветчину, цыпленка, бледный картофельный салат, черный хлеб, белый хлеб и наливает бокал сладкого до липкости или вообще безвкусного кавказского вина. Нагрузившись таким образом, он начинает поглощать свою добычу, широко расставив ноги, чтобы его не смели другие покушающиеся на эти яства. Я уже практически отказался от еды на подобных мероприятиях. Я ужинаю загодя и потом тихо стою в сторонке, наблюдая за этой суматохой»⁴⁷.

Кеннан, лучше знакомый с продовольственной ситуацией в Советском Союзе, обращает внимание на другое. В его записях о сибирской поездке встречается упоминание об «обычном» ужине, которым его угощал А. В. Терещенко, заместитель председателя Новосибирского городского совета:

«Мы с Александром Владимировичем сели ужинать. У меня не было аппетита, и я ел и пил немного. Передо мной последовательно выстраивались водка, рябиновка (ягодная настойка), речная рыба, лосось, холодное мясо, редиска, огурцы, сыр, вареные яйца, хлеб и масло, суп, пиво, стейк, жареная картошка, яичница, пирожные и чай. Каждый отказ воспринимался как знак того, что соответствующее блюдо недостаточно хорошо, и лишь побуждал моего хозяина и официантку к новым подвигам гостеприимства. Так я услышал первый из возгласов “Ми-истьер Кеннан! Почему Вы не едите? Вам что, не нравится?”, которые преследовали меня по всей Сибири и за ее пределами»⁴⁸.

О СТАЛИНЕ И ПАРТИИ

5 января 1946 г., «в канун Рождества», как пишет Дэвис, находившийся в Москве госсекретарь США Джеймс Бирнс и его окружение были приглашены на прием в Кремль. Вместе с ними приглашение получили и некоторые сотрудники посольства, в числе которых оказался Дэвис и, по всей видимости, Кеннан. Последний не оставил об этом событии никаких записей, в то время как описание Дэвиса оказалось чрезвычайно ярким:

«Через банкетный холл к нам направлялся маленький седой человечек в военной форме, а за ним — другие громкие фигуры: Молотов, Берия, Маленков. Он прошелся вдоль шеренги иностранцев: быстрое рукопожатие, взгляд в глаза, дружеское приветствие — эдакий азиатский старичок-крестьянин. Остальная шайка пожалала пару рук, явно находя все это действие безвкусней и потерей времени.<...> Люди из окружения Сталина — необычные существа. Они выглядят так, будто никогда не видели солнечного света — бледные и рыхлые. Это политики. Маршалы — те толстые и краснолицые. Исключение — чернявый армянин со сломанным крючковатым носом, за голову которого после прошлой войны англичане назначили хорошую цену (что сегодня немного смущает). Это Микоян, с которым я обменялся парой приветствий. Микоян мне понравился. Он, да еще Сталин и Булганин выглядят как нормальные люди»⁴⁹.

Кеннан упоминает Сталина совершенно в другом контексте. 26 ноября 1945 г. он занес в дневник следующие строки:

«[Я] встретился с группой хорошо информированных иностранцев, которые занимаются скрупулезным профессиональным анализом положения Сталина... Светлые дни советского

⁴⁷ John Davies to his parents. October 11, 1946 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 12. Folder 1946.

⁴⁸ The Kennan Diaries, p. 177.

⁴⁹ John Davies to his parents. January 5, 1946 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 12. Folder 1946.

триумфа на конференциях Великих держав остались в прошлом, и со стороны тех, кто управляет Россией, вряд ли стоит ожидать новых попыток вывести Сталина на арену трехсторонних переговоров. Так будет и в том случае, если Россия действительно управляется Сталиным единолично, и в том, если от его имени это делают другие люди — что весьма сомнительно. Вот вероятное объяснение того, почему сейчас он несколько сошел со сцены. Я один из немногих иностранцев в Москве, если вообще не единственный, кто задается вопросом, действительно ли Сталин остается тем диктатором, каким его считают⁵⁰. Я подозреваю, что власть находится в руках группы членов Политбюро, из которых самые сильные — Берия и Молотов. Мне кажется возможным, что не только Сталина выведут из центра внимания, сняв его с поста Председателя Совета народных комиссаров, но и Молотов устал раз за разом напрямую общаться с представителями внешнего мира и оставит свою должность наркома иностранных дел (возможно, после выборов), заняв старый пост Председателя Совета народных комиссаров»⁵¹.

В особенностях функционирования советской системы управления Дэвис разобрался довольно быстро. На наш взгляд, весьма любопытна его оценка демократии по-советски, изложенная в письме от 12 октября 1945 г.:

«Правительство (под ним я понимаю в т.ч. и партию) — непостижимо. Это какой-то суррогат инквизиции, Чингисхана и мощнейшей системы общественных отношений. Оно управляет абсолютно всем: трудом, Православной церковью, “национальностями” (вроде армян) — и все это с величайшим цинизмом и довольно стойким успехом. Сторонний наблюдатель и представления не имеет о том, как всеобъемлюща и насколько закрыта эта система»⁵².

Здесь Дэвису вторит Кеннан:

«Между ним (народом. — К. М.) и миром, лежащим за его границами, стоит режим непревзойденной жестокости и подозрительности. Этот режим, лучше чем кто-либо другой, осознает, какие богатства, какие возможности, какие опасности таит в себе русский народ, и держит его в железном кулаке. Он не намерен допустить никакого внешнего влияния. В свете этого важно, чтобы народ приучился не только не бояться воздействия внешних сил, но и не ждал от них благ. Советское правительство должно всегда казаться единственным источником райского благоденствия для верных ему и справедливого наказания для скептиков или непослушных. Поэтому вся система выстроена таким образом, чтобы исключить любую возможность внешнего влияния на умы народа и обращать себе во благо любое действие иностранных правительств или индивидов, которое может затронуть народ России»⁵³.

О демократии «по-советски» Дэвис и Кеннан также размышляют примерно в одном ключе. Дэвис пишет:

«Что сводит меня с ума, так это то, что они присваивают себе наши лозунги и программы и поворачивают их против нас. Вот, например, демократия. Внешнему миру сейчас уже становится понятно, что их демократия — это нечто совершенно отличное от того, что мы понимаем под этим словом... И так с целым списком философских категорий! Определения терминов — это единственное, что может прояснить их (коммунистов. — К. М.) программу. Семантика. Смысл. Прикрываясь демократией, они хватают мяч и убегают с ним. И кажется, что все, что мы делаем, — это продумываем

---

⁵⁰ Как видим, в отличие от Гарримана, которого встреча со Сталиным в Сочи в конце октября 1945 г. убедила в хорошем состоянии здоровья и стабильности политического положения последнего, Кеннан обратил внимание на долгое отсутствие Сталина в Москве и подметил признаки того, что страна управляется без его активного участия.

⁵¹ The Kennan Diaries, p. 188–189.

⁵² John Davies to his parents. October 12, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

⁵³ The Kennan Diaries, p. 187.

линию защиты и пытаемся ее выстраивать, а ведь мяч на поле, и можно схватить его и бежать. Идеологию не остановить силой — по крайней мере, надолго. Они осознают насущную необходимость реформ, изменений, революции — конечно, не у себя, а там, куда они хотят проникнуть. Ни у кого больше нет конструктивной программы, способной удовлетворить спрос. И тут появляются они с подделкой, упакованной под оригинал, — и добиваются успеха! А ирония заключается в том, что эта упаковка — обычно что-то абсолютно приемлемое, что-то, что мы совершенно искренне и сами будем продвигать»⁵⁴.

В письме от 10 февраля 1946 г. Дэвис иллюстрирует свои выводы о демократии на конкретном примере:

«Сегодня день выборов. Мы подозреваем, что грядет очередная оглушительная победа сами знаете кого. Все голосуют. Людям дают по два бюллетеня — по одному на каждого кандидата»⁵⁵. Писать на бюллетенях нельзя — это означает их испортить. Затем нужно бросить бюллетени в одну из двух урн — или в обе. Две урны создают видимость выбора. Как я понял, в прошлый раз урна была всего одна. Две, конечно, более демократично»⁵⁶.

Несколькими месяцами ранее практически о том же самом, только другими словами, писал Кеннан:

«Однако факты таковы, что помочь русскому народу нельзя. Когда народ оказывается в тисках жестокого авторитарного режима, который не остановится ни перед чем, никто другой не в силах ему помочь. Подарки для народа можно делать только режиму, который немедленно использует их как средство укрепления собственной мощи. Если же эти подарки все же доходят до народа, они преподносятся как уступки, которые умный режим смог выцарапать у коварного внешнего мира, сорвав при этом стоявшие за ними дьявольские планы; тем же, кто будет пользоваться благами от этих подарков, лучше стоять на стороне всемогущей власти, так яростно защищающей интересы народа. В то же время удары, направленные против режима самого по себе, никак не помогут народу, которым он управляет. От таких ударов он быстро уворачивается, и они достаются людям, а режим, дыша сочувствием и негодованием, раз за разом выдает себя за защитника благородного народа от жестокого мира, который отказывается его понимать. А если в этой бесконечной политике претенциозности и провокаций с народом случается настоящее бедствие, режим быстро начинает во всем отождествлять себя со страдающим народом и находит убежище в этом потрясающем и, по-видимому, неисчерпаемом запасе патриотического героизма и преданности, который человеческая природа оставляет для подобных случаев. Другими словами, благонамеренный иностранец не может помочь русскому народу; он может помочь только Кремлю. И, напротив, он не может навредить Кремлю; он может навредить только русскому народу. Вот как работает эта система»⁵⁷.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

По странному стечению обстоятельств ни в одном своем письме Дэвис не пишет о будущем советско-американских отношений, хотя этот вопрос, разумеется, не мог его не интересовать. Единственное упоминание об этом можно найти в докладе Дэвиса на Второй международной конференции органов разведки, проходившей в мае 1947 г. во Франкфурте-на-Майне, который остается за рамками настоящей статьи⁵⁸.

⁵⁴ John Davies to his parents. October 12, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 11. Folder 1945.

⁵⁵ Выборы проводились в обе палаты Верховного Совета СССР — Совет Союза и Совет Национальностей, именно поэтому избиратели получили по два бюллетеня.

⁵⁶ John Davies to his parents. February 10, 1946 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Box 12. Folder 1946.

⁵⁷ The Kennan Diaries, p. 184.

⁵⁸ Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Personal Papers. Box 12. Folder 1946.

Что касается Кеннана, то его размышления о перспективах развития советско-американских отношений не были оптимистичными даже в разгар эйфории, последовавшей за окончанием военных действий в Европе.

В конце июня 1945 г., на пути в Москву из сибирской поездки, он писал:

«...я бы сказал — особенно сейчас, когда все увиденное и услышанное в Сибири еще так свежо в памяти, — что в этих условиях самым мудрым будет не помогать и не вредить; донести до его (среднего американца, под которым Кеннан, безусловно, имеет в виду прежде всего себя. — *К. М.*) советских знакомых те минимальные условия, на которых он может иметь с ними спокойные добрососедские отношения, природу его собственных ожиданий и пределы своего собственного терпения, и оставить русский народ, не обремененный ни сантиментами, ни противостоянием заграницы, строить свою судьбу самостоятельно, идти своим особым путем»⁵⁹.

Ближе к концу 1945 г. взгляды Кеннана стали еще более мрачными, однако пока они, по его собственному признанию, еще шли вразрез с официальной линией Вашингтона. 24 ноября он записал в дневнике:

«Я должен сказать, что не вижу, каким образом в наши отношения можно внести хоть какую-то реальную стабильность, пока частная жизнь российских граждан находится, как сегодня, под контролем секретной полицейской организации, которая стоит выше закона, враждебна к внешнему миру в целом и боится впустить в русское общество свет бела дня... Единственное, чего я не должен говорить, будучи представителем США в России, — так это того, что будущее наших отношений кажется мне безнадежным»⁶⁰.

14 декабря 1945 г. в дневнике Кеннана появляется новая запись на ту же тему:

«В полном бешенстве от телеграммы из Департамента, в которой нам предписывается пригласить советское правительство на конференцию по выработке согласованного снижения тарифов в следующем марте, провел вечер, составляя убедительную телеграмму с объяснениями, почему этого делать не следует»⁶¹.

Очевидно, что знаменитая «длинная телеграмма» — лишь одна из многих подобных депеш Кеннана, отправленных им в Госдепартамент за время пребывания на посту советника посольства в Москве. До нее он отправил в Вашингтон еще несколько длинных донесений. Об одном из них мы упоминали выше, это написанная в сентябре 1944 г. записка «Россия семь лет спустя». Ее содержание отличалось от содержания «длинной телеграммы» разве что объемом и многословностью.

КУРЬЕЗЫ

Даже курьезные случаи в описании Дэвиса и Кеннана сильно разнятся. У Дэвиса это, в основном, описание семейно-бытовых моментов. Сложно представить себе дипломата довольно высокого ранга, рассуждающего о штопке носков, однако 30 сентября 1945 г. Дэвис пишет родителю:

«Таблетки кальция в тех письмах, которые вы, папа и мама, послали авиапочтой, благополучно дошли... Мы послушно жуем их, хоть и кривимся, и надеемся, что нашим костям и зубам это пойдет на пользу. Шерсть для штопки тоже прибыла, так что дырок в носках стало меньше. И цвета отличные!»⁶².

В письме от 14 июня 1946 г. Дэвис с большим юмором описывает роды Патрисии в московской больнице:

⁵⁹ The Kennan Diaries, p. 184–185.

⁶⁰ Ibid., p. 188.

⁶¹ Ibid., p. 191.

⁶² John Davies to his parents. September 30, 1945 // Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Personal Papers. Box 11. Folder 1945.

«[Вчера] в 8 утра я отвез Патрисию в больницу. Для русских роды — дело обычное, поэтому оформление (в приемном покое. — *К. М.*) заняло целых полтора часа. Ее одежду, сумку, часы и даже обручальное кольцо вынесла мне старая нянечка. Я дал расписку в получении и оставил жену в больнице. Ее забрали в палату, где уже находилось пять кормящих женщин и десять рожениц. Конечно, она стала центром внимания сестры и доктора, которые были очень любопытны, по-славянски добродушны и пропитаны духом “ничего”. Ей привезли баллон с веселящим газом, чтобы облегчить боли при схватках, однако вдохнув пару раз, она не почувствовала никакого эффекта. Наконец, она заметила, что стрелка на баллоне указывала, что он пуст. Русские — не большие приверженцы анестезии, так что этот баллон был больше для психологического эффекта. В общем, она терпела все как по старинке. После нескольких часов, проведенных бок о бок с кормящими мамочками и другими роженицами, она, наконец, попала в родильную палату — еще одно общественное место, где два доктора, давившие ей на живот, и акушерка помогли ей произвести на свет вашу внучку. Она сказала, что все было не так уж плохо, но она человек закаленный и очень стойкий»⁶³.

Наконец, в январе 1947 г. Дэвис с большим юмором описывает Патрисию в роли переводчика маршала Конева на ужине в посольстве США в честь визита маршала Монтгомери:

«Посол давал в честь маршала ужин, на который было приглашено много известных особ — и мы. Поскольку в посольстве не нашлось другой жены сотрудника, настолько хорошо владеющей русским языком, Патрисию посадили рядом с маршалом Коневым, одним из высокопоставленных советских гостей. Ей пришлось переводить беседу Конева с маршалом Монтгомери, а заодно и с послом и его супругой, сидевших по левую руку Конева. Ситуация была забавной — воспоминания военачальников трех Великих Союзов в переводе на специфический “мамский” язык Патрисию. Кульминацией всего стал, безусловно, тост посла за героев Эль-Аламейна и Сталинграда... который Патрисию шепотом переводила Коневу. Когда нужно было перевести слово «пулемет», Патрисию пришлось туго, поэтому она просто наставила указательный палец на внушительную грудь маршала и затарахтела. Старина Конев явно наслаждался всей этой ситуацией»⁶⁴.

Курьезы в описании Кеннана удивительным образом рисуют нам его совершенно другим человеком, мало похожим на оголтелого антисоветчика и поджигателя войны:

«Я наблюдал такую сценку: солдат, которого окружила кучка сочувствующих зевак, обвинил старуху-крестьянку в мошенничестве с молоком. “Ты бы поостереглась, мамаша, — сказал он весело, — повстречаться со мной на том свете. Все архангелы — мои друзья”. К восторгу толпы старуха испуганно перекрестилась, и инцидент закончился общим смехом»⁶⁵.

В аэропорту Новосибирска Кеннан «сидел рядом с пожилой работницей с мужскими руками, которая была членом Центрального Комитета Союза предприятий строительной промышленности и направлялась в Свердловск на совещание. Она была неграмотная, но умная и сметливая... Я поделился с ней припасами, которые мы съели, сидя в тени хвоста самолета, и она заставила меня читать ей вслух “Петра Первого” Алексея Толстого. Постепенно к нам присоединялись и другие слушатели, так что, когда, наконец, настало время взлета, оказалось, что я читаю доброй половине пассажиров»⁶⁶.

В Казани «было приятно и как-то уютно, пусть и чуточку вульгарно, бродить летним вечером по улицам волжского города, философски сплевывая шелуху от семечек себе под ноги. Грызая семечки — как и жуя резинку — человек ощущает коровье спокойствие и превосходство. На какой-то момент я даже забыл, что я иностранец и нахожусь в стране, управляемой людьми подозрительными и злобными ко всем иностранцам»⁶⁷.

⁶³ John Davies to his parents. June 14, 1946 // Ibid. Box 12. Folder 1946.

⁶⁴ John Davies to his parents. January 16, 1947 // Ibid. Folder 1947.

⁶⁵ The Kennan Diaries, p. 175–176.

⁶⁶ Ibid., p. 180–181.

⁶⁷ Ibid., p. 182.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дэвис и Кеннан — почти ровесники, они родились и выросли в одной стране, разделяли схожие взгляды. По утверждениям Кеннана, они с Дэвисом даже были друзьями: в 1951 г. Кеннан по собственному желанию выступил свидетелем по делу Дэвиса, затем они регулярно встречались⁶⁸.

Вместе работая в американском посольстве в Москве, они были очевидцами одних и тех же событий, которые интерпретировали зачастую совершенно по-разному. Их интересовали разные аспекты жизни в послевоенном СССР, они обладали разными возможностями для наблюдений. Дневниковые записи Джорджа Кеннана и письма Джона Дэвиса содержат множество интереснейших наблюдений о характере, быте и интересах советского народа. Еще большее значение им придают особенности восприятия каждого из авторов. Рассказывая о Сталине, партийных функционерах и советском режиме, Дэвис и Кеннан не изменяют своим привычкам: Дэвис в основном рисует типажи, Кеннан — анализирует.

Примечательно, что в целом Кеннан — признанный эксперт-советолог Госдепартамента США — и Дэвис, не владевший русским языком и специальными знаниями в области русской истории и культуры, сходятся в оценке советского общества и строя, при этом их представления о народе существенно разнятся.

Джордж Кеннан очень ясно видел границу между русским и советским и, любя все русское, ненавидел все советское. В своих дневниках, равно как и в официальной переписке с Вашингтоном, применительно к описанию народа Кеннан всегда употребляет слово «русский», а применительно к партии, строю и власти — «советский». В бумагах Дэвиса этого нет; складывается впечатление, что он не разделяет эти две категории, объект его анализа — «советский народ», живущий в конкретной стране в конкретный исторический период. При этом и Дэвис, и Кеннан были очарованы русским народом. Дэвис — в силу своего характера — показывал это достаточно курьезно: свою дочь Сандру, родившуюся в Москве в 1946 г. и получившую русское второе имя — Елена, он в письмах родным постоянно называет то Сашенькой, то Сашуленькой. Кеннан же подчас вообще писал в своем дневнике по-русски.

Отметим также, что в советской и российской историографии Кеннан часто ассоциируется исключительно с «длинной телеграммой», разжиганием «холодной войны» и доктриной «сдерживания», тогда как его дневниковые записи, которые впервые открываются российскому читателю в настоящей статье, в отличие от более напыщенных и политизированных мемуаров позволяют увидеть в этом человеке и совершенно другую сторону. Кеннан глубоко любил Россию (не Советский Союз!) и, пожалуй, понимал ее лучше, чем кто-либо из современных ему американцев.

Библиография

Болховитинов Н. Н. Джорджу Ф. Кеннану исполнилось 100 лет // Вестник Института Кеннана в России, 2004, вып. 5, с. 8–11.

Болховитинов Н. Н. Полвека спустя. Послесловие к статье: *Кеннан Д. Ф.* Америка и русское будущее // Новая и новейшая история, 2001, № 3, с. 94–98.

Дмитрова Е. В. О некоторых дипломатических усилиях Дж. Кеннана, Ф. Робертса и Н. В. Новикова в обстановке взвинчивания «холодной войны» // Вестник Томского государственного университета. Серия История и археология, 2003, № 276, с. 108–114.

Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002.

Кеннан-ст. Дж. Сибирь и ссылка, в 2-х ч. СПб., 1906.

⁶⁸ Ibid, p. 296, 448.

Мальков В. Л. Неизвестный Кеннан: заметки о морфологии дипломата // Вестник Института Кеннана в России, 2004, вып. 5, с. 24–39.

Мальков В. Л. У порога «долгого мира». Джордж Фрост Кеннан рассказывает о России, русских и причинах советско-американского конфликта в Совете по внешней политике США // Новая и новейшая история, 2012, № 5, с. 208–223.

Орлик И. И. Дж. Ф. Кеннан: «большие дебаты» // Новая и новейшая история, 2011, № 1, с. 150–166.

Орлик И. И. Преднамерения «постсоциализма» // Новая и новейшая история, 2019, № 6, с. 102–121.

Paterson T. G. Meeting the Communist Threat: Truman to Reagan. Oxford University Press, 1989.

The Kennan Diaries. Ed. by F. Costigliola. New York, 2014.

References

Bolkhovitinov N. N. Dzhordzhu F. Kennanu ispolnilos' 100 let [George F. Kennan celebrates 100-th anniversary] // Vestnik Instituta Kennana v Rossii [Bulletin of the Kennan Institute in Russia], 2004, issue 5, p. 8–11. (In Russ.)

Bolkhovitinov N. N. Polveka spustia. Posleslovie k stat'e: *Kennan D. F.* Amerika i russkoe budushchee [Half a century later. Afterword to the article: Kennan G. F. America and the Russian future] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and contemporary history], 2001, № 3, p. 94–98. (In Russ.)

Dmitrova E. V. O nekotorykh diplomaticheskikh usiliakh Dzh. Kennana, F. Roberta i N. V. Novikova v obstanovke vzvinchivaniia «kholodnoi voiny» [On some diplomatic efforts of G. Kennan, F. Roberts and N. V. Novikov in the setting up of the Cold War] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia Istoriia i arheologiya [Bulletin of Tomsk state University. Series History and Archeology], 2003, № 276, p. 108–114. (In Russ.)

Kennan G. Diplomatiia Vtoroi mirovoi voiny glazami amerikanskogo posla v SSSR Dzhordzha Kennana [World War II Diplomacy through the Eyes of the American Ambassador to the USSR George Kennan]. Moskva, 2002. (In Russ.)

Kennan-Senior G. Sibir' i ssylka, v 2-kh ch. [Siberia and exile, in 2 parts]. Sankt-Peterburg, 1906. (In Russ.)

Malkov V. L. Neizvestnyi Kennan: zametki o morfologii diplomata [Unknown Kennan: notes on the morphology of a diplomat] // Vestnik Instituta Kennana v Rossii [Bulletin of the Kennan Institute in Russia], 2004, issue. 5, p. 24–39. (In Russ.)

Malkov V. L. U poroga «dolgogo mira». Dzhordzh Frost Kennan rasskazyvaet o Rossii, russkikh i prichinakh sovetsko-amerikanskogo konflikta v Sovete po vneshnei politike SSHA [At the threshold of the "long peace". George Frost Kennan talks about Russia, Russians and the causes of the Soviet-American conflict at the US Foreign Policy Council] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and contemporary history], 2012, № 5, p. 208–223. (In Russ.)

Orlik I. I. Dzh. F. Kennan: «bol'shie debaty» [G. F. Kennan: "Big Debate"] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and contemporary history], 2011, № 1, p. 150–166. (In Russ.)

Orlik I. I. Prednachertaniia «postsotsializma» [Designations of "post-socialism"] // Novaia i noveishaia istoriia [Modern and contemporary history], 2019, № 6, p. 102–121. (In Russ.)

Franklin D. Roosevelt Presidential Library. Harry Hopkins Papers. Box 217.

Franklin D. Roosevelt Presidential Library. President's Official File 4341 "Averell Harriman".

Harry S. Truman Presidential Library. John Paton Davies Papers. Boxes 11 and 12.

Kennan G. F. Russia – Seven Years Later. September, 1944. History and Public Policy Program Digital Archive, FO800/302 (Public Record Office, Kew).

Paterson T. G. Meeting the Communist Threat: Truman to Reagan. Oxford University Press, 1989.

The Kennan Diaries. Ed. by F. Costigliola. New York, 2014.